

УДК 930.85

**ТРАНСЛЯЦИЯ ИМПЕРСКИХ ИДЕЙ
В РОССИЙСКОЙ ИДЕОЛОГИИ И ГЕОПОЛИТИКЕ
(К 1700-ЛЕТИЮ МИЛАНСКОГО ЭДИКТА)**

Колупаев В.Е.

Идея трансляции империи, пришедшая в государственную идеологию, берет свое начало со времени Крещения Киевской Руси и, претерпев определенные изменения в Московский период, расцветает в имперское правление. Восточная политика России, построенная на византийском наследии, опираясь на идеологическое осмысление и геополитическое развитие интеллектуального наследия европейских теорий идущих от Константина Великого и заложенного им государствообразующего христианского фундамента в Миланском эдикте 313 г., переплетаясь с тенденциями, идущими из азиатского пространства, формируют Россию. Анализ этих исторических векторов посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: Константин Великий, Миланский эдикт, Русь, Византия, Золотая Орда, трансляция империи, Московское царство, Российская империя, Восточная политика, Греческий проект.

**BROADCAST OF IDEAS
IN THE RUSSIAN IMPERIAL IDEOLOGY AND GEOPOLITICS
(1700TH ANNIVERSARY OF THE EDICT OF MILAN)**

Kolupaev V.E.

The idea of empire broadcasting that came into the state ideology originates from the time of the Baptism of Kievan Rus' and going through some changes in the Moscow period it blooms in the imperial rule. Russia's eastern policy based on the Byzantine heritage that is relied on the ideological and geopolitical understanding of the development of the intellectual heritage of European theories coming from Constantine the Great and pledged their state-Christian foundation of the Edict of

Milan in 313 AD, interwoven with the trends coming from the Asian world form Russia. This article is devoted to the analysis of these historical vectors.

Keywords: Constantine the Great, Edict of Milan, Russia, Byzantium, the Golden Horde, broadcast empire, Muscovy, Russian Empire, Eastern policy, Greek project.

Киевская Русь (IX-1240), принявшая Крещение от Византии и почитавшая патриарха Константинополя как предстоятеля Церкви, никогда не подчинялась императорской власти наследников Великого Константина (272-337), правивших там. Однако для развития политической мысли и российской государственной идеологии, идеи имперского византийского устройства и константиновское наследие были и остаются центрально образующими. Константин заложил векторы развития европейских отношений, откуда сюжет о наследовании переносится в последующие империи. Унаследованная Великим княжеством Московским (1263-1547) идея приобретает новое оформление в Русском царстве (1547-1721) и проецирует весь последующий вектор имперского периода российской истории (1721-1917), оттенки этого отчетливы и в сталинском правлении в СССР (1922-1991), переданы они и нынешней Российской Федерации.

Переход империи (*translatio imperii*), как средневековая европейская идея о метафизическом наследовании мирового царства от одной страны к другой, имеет в нашем примере свои особенности. Причем латинское «*imperator*», греческое «*βασιλεύς*» и славянское слово «царь» – не всегда одно и то же, в русском языке имеют хождение все три термина, иногда они могут выступать синонимами, но в нашем случае они выражают разный сакральный уровень государственной власти.

Со времен Киевской Руси образ императора Константина и его матери Елены имеет житийные сравнения с Владимиром и Ольгой, что отражается также и в народном благочестии.

Западная идея разграничения мирского и духовного правления над государственной, церковной и общественной жизнью появляется в середине VIII в., что находит отражение в появлении т.н. «Константинова дара» Папе Сильвестру. В славянской письменности этот документ известен, как «Вено Константиново» и он рождает резонансное продолжение, через призму византийского видения, в пространство формирования древнерусской цивилизации. Преимущества, дарованные Константином Римскому Понтифику, транслировались на фигуру Константинопольского патриарха и вообще обращались далее ко всем патриархам, имеющим апостольское преемство, как это толковал Феодор Вальсамон (Θεόδωρος Βαλσαμῶν, 1140-1199). В этом смысле, русская церковная традиция, согласно траектории Рим-Константинополь–Москва, обосновывает имущественные и судебные права клира, фиксируя их в «Степенной книге» – памятнике русской исторической литературы XVI в. Другим документом, обосновывающим сакральную трансляцию мистического символа власти была для Руси «Повесть о белом клобуке», памятник древнерусской литературы XV-XVI вв. От Константина через Сильвестра, из Рима в Константинополь, затем через Новгород в кафедральный град, ставший центром Московского патриархата (далее МП) пребывает белый клобук – головной убор и сакральный символ московского первосвященника.

В московский период русской истории образ Константина Великого разрабатывается в памятниках письменности конца XIV-XV вв. Византийские принцессы на Руси, в свою очередь, также заслуживают упоминания в связи с культивированием идей константиновского наследия, как в киевской, так и в московской истории. Любопытно, что начиная с Анны (963-1012), супруги Владимира Святого, они именовались не как обычно – княгинями, но царицами, сохраняя достоинство членов императорской семьи. Термин «царица», в обычном понимании этого титула как жены царя, появился только при Иоанне Васильевиче Грозном (1530-1584), который замыкает период правления Великих князей и с 1547 г. вступает в историю с титулом «царь»

(сокращенное от «цезарь»), что было связано с прекращением правления православных монархов в Византии [5, с. 12].

Захватив Константинополь в 1453 г. османские (турецкие) султаны также включили в свой титул словосочетание «император ромеев». Применительно к Руси-России, укажем, что тюркский и вообще азиатский фактор для Евразийского пространства явление характерное, имеющее свои корни и перспективы. Одним из штрихов при возвышении Москвы среди других княжеств, что нарушило ход легитимного традиционного способа передачи власти в рамках наследников в великокняжеской семье Рюриковичей, и прекратившего киевскую практику, основанную на родовом принципе престолонаследования (т.н. лествичное право или сеньорат), может быть назван потенциальный инструмент, опиравшийся на новую тенденцию евроазиатского происхождения. Это тот факт, что русские почитали монголо-татарских правителей Золотой Орды, как законных земных царей, дававших ярлык (инвеституру) на великое княжение уже по другому принципу и не всегда на основе салического закона. Московские самодержцы, став царями, начиная с середины XVI в., в своем самосознании уравнивали себя с византийскими императорами или татаро-монгольскими ханами. Государство заимствовало византийские традиции, ритуалы, титулы и символы, такие как двуглавый орел, вернувшийся на герб России с 1993 г.

Любопытные примеры для размышления над переплетением идей трансляции царства могут дать и такие данные, как то, что султаны и ханы имели в женах византийских принцесс. Далее, легендарная шапка Мономаха – сакральный головной убор московских правителей – мифическая корона Навуходносора, а фактически – подарок хана улуса Джучи-Узбека (Султан Гийас ад-Дин Мухаммед, 1283-1341), правление которого стало временем наивысшего могущества Золотой Орды и приходившееся на время т.н. византийско-монгольского альянса. При этом хане в Золотой Орде утвердился ислам сунитского толка, с 1312 г., ставший здесь государственной религией. Одной из жен хана Узбека была дочь императора Византии Андроника II

Палеолога (1259 - 1332), отменившего, как известно в 1282 г., церковную унию с Католической Церковью, заключенную на Втором Лионском соборе в 1274 г.

Предшественник хана Узбека, Менгу-Тимур (+1282), правивший с 1266 г., первым дал ярлык об освобождении РПЦ от уплаты дани Золотой Орде. При нем монголо-татары вместе с союзными русскими князьями совершили поход на Византию около 1269-1271 гг. Известны контакты хана с Западом, так в Крыму при нем была основана генуэзская колония Кафа. Менгу-Тимур находился в родственных связях с русскими князьями, одна из его дочерей, приняв православие с именем Анна, была женой Федора Ростиславича (1233-1299), князя Ярославского, Можайского и Великого князя Смоленского, участника многих совместных военных походов с татарами. Князь Федор имел планы христианизации татар и обращения Золотой Орды в православие.

Древнерусские князья, правившие во Владимире, начиная с XII в. имели тенденцию на усиление своей личной власти, иногда определяемую как «авторитарная». В XIV в. во время борьбы московских князей за великокняжеский ярлык появляется обоснование права хана Золотой Орды передавать ярлык по своему усмотрению. Однако, на практике в XII-XV вв. в основном престолонаследие во Владимире и Москве не противоречило родовому принципу, действовавшему в рамках местной династии. Окончательно семейный принцип наследования в виде примогенитуры по австрийской (полусалической) системе был установлен в России в 1797 г. императором Павлом I.

Следует иметь в виду, что библейские стихи пророчества Даниила о царствах, последовательно сменяющихся в мировой истории (Дан. 2: 31-46; 7: 1-28) толкуются не только в свете христианской традиции, исламские теологи имеют на этот счет свои идеи. Евразийское положение Московии позволяет ей усваивать идеи, как с Востока, так и с Запада.

Далее, обратим внимание на некоторые моменты из истории имперского периода. Последним царем и первым Всероссийским императором стал с 1721 г. Петр Алексеевич Романов (1672-1725), вошедший в историю, как Петр I или

Великий. Новый статус монарха был не просто почетным титулом. Юридически претендовать на него Петру позволяла победа над шведским монархом Карлом XII (Pfalziska ätten, 1682-1718). Победы на Северном европейском направлении обеспечили Московскому государству ведущую военную роль в регионе и положили начало территориальной экспансии и трансформации в Российскую империю с абсолютной монархией по форме правления, заимствованной по образцу ряда западноевропейских стран. Новая империя получила международное признание. Титул императора признали: в 1721 г. Голландия и Пруссия, в 1723 г. Швеция, в 1739 г. Турция, в 1742 г. Австрия и Англия, в 1745 г. Испания и Франция, в 1764 г. Польша. Следует добавить, что с точки зрения легитимности претензий на новое имперское образование в Санкт-Петербурге сошлись обе линии константиновского имперского наследования, как восточная, унаследованная Петром от московских царей, заимствовавших претензии на византийское титулование, так и западная ветвь «*Heiliges Römisches Reich*», которая в русскоязычных повременных документах именовалась «Цесария». Петровские западнические реформы, коснувшиеся политики, экономики, идеологии, Церкви, культуры, языка, стремившиеся избавить Россию от комплекса неполноценности перед Западом и привносившие европейскую иерархию ценностей, были подкреплены, таким образом, претензий на «римское наследие». В конечном итоге эти реформы ставили целью достижение статуса «европейской страны». Символическое признание возросшего политического, военного и территориального значения России отразилось в реализации Петром императорского статуса.

«Актуализация в петровскую эпоху темы древнего императорского Рима особенно ярко проявилась в обращении к образу Константина Великого», – пишет сотрудник института Российской истории Российской академии наук (РАН), доктор Ольга Агеева. Так, «в 1711 г. при торжественном отправлении царя в Прутский поход в московский Успенский собор вносились знамена, одно из которых копировало "Labarum" царя Константина – на знамени вокруг

изображения креста шла надпись "Сим знамением победиши!"... Неоднократно Петр I сравнивался с царем Константином в панегириках начала XVIII в. ... Тема римского императора св. Константина проявилась при подготовке коронации Екатерины I Алексеевны (Марта Самуиловна Скавронская, 1684-1727), в это время в близком царском окружении разрабатывался вопрос о тайном изготовлении императорской короны по рисунку с короны императора Константина Великого... Корону предполагалось поставить в Кунсткамере "якобы старую"» [1]. В процессе подготовки к войне с шведским императором Карлом возникает идея поисков мифического «креста Константина» [7]. По христианским, в том числе и западным, представлениям, «"крест Константина" – это оружие победы, орудие власти, символ христианской силы, обретение же креста страной, народом символизировало соединение христианства с земной жизнью, утверждение "царства", вступление государства в период его истинного существования» [6, с. 105, 106]. Усиливается «особый интерес к теме "креста Константина", которая в предшествующие века русской истории была лишь "неясной и слабой" чертой великорусского исторического сознания. С этой точки зрения, перенесение символа, святыни от шведов к русским могло пониматься как перенесение, передача власти или воинской удачи от одного государства или войска к другому», – пишет О. Агеева [1].

Следующий пример обоснования имперских притязаний находим в трактате «Монархий физическое рассуждение», написанном в 1714 г. князем Дмитрием Кантемиром (Dimitrie Cantemir, 1673-1723, бывшим Господарем Молдавского княжества, который излагает историософские идеи, известные в европейском интеллектуальном пространстве. Он пишет о чередовании восточной или персидской, затем южной – империи Александра Македонского (356-323 до н.э.), западной – римской, на смену которой, наконец, приходит четвертая монархия – северная или Российская [см.: 3].

Актуализация в начале XVIII в. образа Константина Великого объясняется, таким образом, задачей выстроить исторические связи-ассоциации, ориентированные на первый Рим, вытесняя на второй план идеи

«византийского наследия» второго Рима – Константинополя. Наследие империи Константина получает особую значимость, воспринимаясь как единое историческое прошлое и Западной и Восточной Европы.

Петр, принимая императорский титул, отказывается от ритуала коронования, в чем усматривается молчаливое признание прежнего сакрального акта – венчания и миропомазания на царство. Несмотря на перенос столицы на берега Невы и посвящение нового града образу святого апостола Петра, поставление на царство продолжает совершаться в историческом кафедральном Успенском соборе Московского Кремля.

Анализ таких документов и фактов, как «Духовный регламент» 1721 г., изменивший положение Церкви в России и лишивший ее патриаршего управления, смелая секуляризация церковных имуществ, проводимая Екатериной II (1729-1796), официальное провозглашение себя главой РПЦ Павлом I Петровичем (1754-1801), препятствия проведению Поместного собора РПЦ Николаем II Александровичем (1868-1918) и его претензия на патриаршество, не могут быть оставлены вне анализа богословского толкования роли императора, которое по выражению Евсевия Памфила (Eusebius of Caesarea, 263-340) епископа Кесарийского, принадлежит Константину Великому, называвшему себя «поставленным от Бога епископом внешних Церкви» [2, с. 24].

С воцарением с 1762 г. в Санкт-Петербурге Екатерины II Алексеевны (Sophie Auguste Friederike von Anhalt-Zerbst-Dornburg) наступает новая эпоха, принесшая т.н. Греческий проект в российскую восточную геополитику и не только реанимацию идей навеянных константиновским наследием, но и новые мечты, проекцию замыслов. В этой связи, достаточно любопытно, помимо анализа геополитических устремлений и идеологических обоснований новой российской политики, проанализировать персоналии великих князей императорской крови из династии Романовых, носивших имя Константин. Интересно, что первенец мужского пола, родившийся в семье сына Екатерины II Павла I получил имя в честь Александра Македонского и был крещен в честь

тезоименитого святого князя Александра Ярославича Невского (1221-1263) и он вошел в историю, как Александр I (1777-1825) Благословенный. Второй внук великой императрицы был назван Константином (1779-1831) с перспективой возвести его на константинопольский престол, восстановленной Византии.

В конфиденциальном письме Екатерины II, направленном в Вену 10 сентября 1782 г. к Иосифу II (Habsburger, 1741-1790), императору Священной Римской империи, встречается первое упоминание о т.н. «греческом проекте». Проект носил геополитический характер и предусматривал перекройку карты Юго-Восточной Европы. Внимание царицы было направлено на Османскую империю, которая доставляла беспокойство, как российским, так и габсбургским владениям, в этой связи предлагалось создать некое буферное государство в составе Молдавии, Валахии и Бессарабии, под именем Дакии во главе с христианским монархом. План также предполагал освобождение Балкан и в первую очередь Грецию-Элладу. Екатерина писала: «в. и. в. не откажется помочь мне в восстановлении древней Греческой монархии на развалинах павшего варварского правления, ныне здесь господствующего, при взятии мною на себя обязательства поддерживать независимость этой восстанавливаемой монархии от моей». Более глубокая цель нового государственного образования была сформулирована так: «совершенное истребление Турции и восстановление древней Греческой империи... в пользу великого князя...» [4, с. 64]. Под эти великим князем подразумевался не кто иной, как младший внук Екатерины – Константин Павлович. Согласно пророчеству, бытовавшему в русском православном сознании, первым императором Восточно-Римской Империи был Константин, последним, погибшим при штурме Константинополя турками в 1453 г. – «этномартирас» (εθνομάρτυρας) Константин XI Палеолог (1405-1453). Восстановить империю предназначалось новому императору, имя которого также будет – Константин.

Великий князь воспитывался с детства в греческом духе, у него была даже кормилица гречанка. В честь нового греческого царя уже была отчеканена монета, на которой изображался храм Святой Софии Цареградской.

«Над Святой, над Софией будет крест золотой» – мечта поколений русских людей. Российское общество грезило взятием Константинополя. Чреда Кавказских и турецких войн, Севастопольская война (1853-1856), Балканская политика – все это звенья одной цепи. На константиновском наследии строилась внешняя политика Александра I, который, кстати говоря, носил титул «августейшего покровителя Восточной Церкви». В зоне русского интереса оказалась и святая гора Афон, не случайно османские власти часто устраивали здесь аресты, обвиняя греческих монахов в шпионаже в пользу России, в то время, как, например, русских монахов-святогорцев турки боялись даже тронуть, чтобы не вызвать недовольства. Они страшились обидеть подданных российского императора, который принял на себя обязательство покровительствовать над православным населением Порты.

Вернемся к традиции давать имена сыновьям императорской фамилии Романовых. Исключим тех, кто не был порфирородным – они имели разные имена, потому что при рождении не были предназначены для трона. Среди правителей России XVIII-XIX вв. были три Александра и два Николая, причем Николай I Павлович (1796-1855) вошел на престол в связи со смертью старшего брата и морганатическим браком своего второго брата Константина Павловича. Император Николай I второму своему сыну также дает имя в честь Константина Великого. Правление императора Николая I, среди прочего характеризовали следующие события, связанные с направлением к константиновскому наследию во внешней политике. Первое – возврат к принципам Священного союза (*La Sainte-Alliance*), заключенного между Россией, Пруссией и Австрией, с целью поддержания установленного на Венском конгрессе 1815 г. международного порядка. Сюда же, например, входила военная помощь оказанная Габсбургам в подавлении Венгерского восстания в 1849 г., в результате чего был спасен трон цезаря Франца Иосифа (*Franz Joseph I*, 1830-1916). Второе – это войны на восточном направлении: Кавказская война 1817-1864 гг., затем война с Персией в 1826-1828 гг., война с Турцией в 1828-1829 гг. По Ункяр-Искелесийскому договору 1833 г.,

ознаменовавшему наивысший пик российского влияния на Константинополь (Стамбул), Россия получила право блокировать проход иностранных кораблей в Черное море. Россия при Николае I проводила на Балканах политику защиты православного населения и пыталась выступать гарантом религиозных и гражданских прав, вплоть до политической независимости. Так, согласно Аккерманскому договору с Турцией 1826 г. Молдавия и Валахия, оставаясь в составе Османской империи, получили политическую автономию с правом избрания собственного правительства, которое формировалось под контролем России. В результате этой автономии в 1878 г. по Сан-Стефанскому договору на данной территории было образовано государство Румыния. По Адрианопольскому договору 1829 г. таким же образом было образовано Сербское княжество, по тому же договору и по Лондонскому протоколу 1830 г. было образовано Греческое королевство. Во всем этом сказывались вековые гены константиновско-византийского менталитета, который культивировался веками в сознании Рюриковичей-Романовых. Далее Россия, совместно с Англией участвовала в разрешении Восточного кризиса 1839-1841 гг., направленного против коалиции Франции и Египта. При положительном ходе событий, безусловно, предполагался на занятие трона константинова на Востоке готовый для этого Великий князь Константин Николаевич (1827-1892), однако, поражение в Крыму в 1856 г. завершилось разгромом российских восточных чаяний.

С началом Первой мировой войны (1914-1918), идея освобождения Константинополя и Святой Софии вновь стала оживать в России, что широко обсуждалась военными, дипломатами, прессой. Проект виделся вполне реальным, к примеру, учитывая фактор статистики, турок в самой Турции в начале XX в. было 1 250 тысяч человек и славян тут проживало 1 500 тысяч человек. Секретным англо-французско-русским соглашением 1915 г. предусматривалась передача России Стамбула и черноморских проливов при условии ее участия в войне с Германией, союзницей которой была Османская империя.

Последующие военные события, кризис власти и смена политического строя в России в 1917 г. охладили интерес к имперской идее. Эта идея сакрально поддерживалась традиционными религиозными взглядами, которым также была объявлена война со стороны новой власти. Но, на наш взгляд, преждевременно говорить о списании на архивное и музейное хранение самой идеи константиновского имперского ядра, в измененном виде и при других реалиях она еще продолжит свою жизнь. Черты трансляции потенциала власти можно усмотреть в мессианской харизме Интернационала. Особую форму имперско-советского свойства она приобретет при Сталине, живя и в Брежневском «застое», актуально возрастая в Российской Федерации XXI века. Однако это – тема нового обсуждения, которая заслуживает особого рассмотрения.

Список литературы:

1. Агеева О.Г. Титул «император» и понятие «империя» в России в первой четверти XVIII в. [Электронный ресурс] // Россия в красках [сайт]. 2013. URL: <https://bit.ly/3BQgDnH> (дата обращения: 29.10.2013).
2. Евсевий Памфил, епископ Кесарии Палестинской. Четыре книги о жизни блаженного Василевса Константина / Пер. под ред. А.А. Калинина. М., 1998. Кн. IV.
3. Кантемир Д.К. Естественное толкование монархий // Передовые румынские мыслители XVIII-XIX веков / Общ. ред. К.И. Гулиана. М., 1961.
4. Лисовой Н.Н. Русское духовное присутствие в Святой Земле в XIX – начале XX вв. // Россия в Святой Земле: Документы и материалы / Архив внешней политики Российской Империи МИД РФ. М., 2000.
5. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Ч. 1. Т. 1: Памятники дипломатических сношений с империей Римскою (с 1488 по 1594 гг.). СПб, 1851.
6. Плюханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. М., 1995.

7. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Сенат, Канцелярия Правительствующего Сената. Оп. 106. Д. 619: Дело о награждении дворянина Андрея Култашева недвижимым имуществом за участие его в розыске креста царя Константина. Л. 1-4.

Сведения об авторе:

Колупаев Владимир Евгеньевич – доктор исторических наук, исследователь центра «Russia Cristiana», член научного комитета и итальянской редакции журнала «La Nuova Europa» (Сериате, Италия).

Data about the author:

Kolupaev Vladimir Yevgen'yevich – Doctor of Historical Sciences, researcher of the Centre “Russia Cristiana”, member of the Scientific Committee and the Italian edition of the magazine “La Nuova Europa” (Seriante, Italy).

E-mail: rostkol@gmail.com.